

Посвящается Ольге Козакевич

Всякое сознание стремится к смерти другого.

Гегель

Часть первая

Глава I

Франсуаза подняла глаза. Пальцы Жербера бегали по клавиатуре, он в отчаянии смотрел на рукопись; выглядел он усталым. Франсуазе тоже хотелось спать; однако в ее усталости было что-то домашнее и уютное: ей не нравились эти темные круги под глазами Жербера; лицо его казалось помятым, ожесточенным, он почти выглядел на свои двадцать лет.

— Вы не хотите остановиться? — спросила она.

— Нет, всё в порядке, — ответил Жербер.

— Впрочем, мне осталось окончательно доделать одну сцену, — сказала Франсуаза.

Она перевернула страницу. Уже давно пробило два часа. Обычно в это время в театре не остается никого живого. Этой ночью он жил: стучала пишущая машинка, лампа отбрасывала на бумагу розовый свет. И я здесь, мое сердце бьется. Этой ночью у театра есть сердце, которое бьется.

— Люблю работать ночью, — сказала она.

— Да, — согласился Жербер, — так спокойнее.

Он зевнул. В пепельнице полно было окурков светлого табака, на круглом столике стояли два стакана и пустая бутылка. Франсуаза взглянула на стены своего маленького кабинета: розовая атмосфера излучала тепло и человеческий свет. Снаружи был бесчеловечный и темный театр со своими пустыми коридорами вокруг огромной полой раковины. Франсуаза отложила ручку.

— Не хотите выпить еще глоточек? — спросила она.

— Не откажусь, — ответил Жербер.

— Пойду в кабинет Пьера за другой бутылкой.

Она вышла. Ей не очень хотелось виски — ее привлекали эти темные коридоры. Когда ее там не было, этот запах пыли, этот сумрак, эта унылая опустошенность — всего этого ни для кого не существовало, вообще не существовало. А теперь она была тут, красный цвет ковра, словно боязливый ночник, пронзал тьму. Она обладала этой властью: ее присутствие исторгало вещи из их неосознанного состояния, придавая им их цвет и запах. Она спустилась этажом ниже и толкнула дверь в зал. Ей словно доверена была миссия, требовалось заставить этот пустующий, наполненный тьмой зал существовать. Металлическая штора была опущена, стены пахли свежей краской; красные плюшевые кресла безжизненно выстроились в ожидании. Только что они ничего не ждали. А теперь она была здесь, и они протягивали руки. Они глядели на скрытую металлической шторой сцену, они зывали к Пьеру, к огням рампы и сосредоточенной толпе. Следовало бы оставаться здесь всегда, дабы хранить эту опустошенность и это ожидание; но следовало бы также находиться и в других местах: в хранилище аксессуаров, в фойе, в ложах. Следовало быть сразу повсюду. Она пересекла авансцену и поднялась на помост, открыла дверь в фойе, спустилась во двор, где лежали без дела старые декорации. Она в одиночестве высвобождала смысл этих покинутых мест, этих уснувших предметов; она была тут, и они принадлежали ей. Мир принадлежал ей.

Открыв маленькую железную дверь артистического входа, она вышла на середину площади. Вокруг спали дома, спал театр; единственное его окно было розовым. Она села на скамью, над каштанами зияло черное небо. Можно было подумать, что ты в сердце некой спокойной супрефектуры. В эту минуту она не жалела, что рядом с ней нет Пьера, — существовали радости, которых она не могла познать в его присутствии: все радости одиночества. Вот уже восемь лет, как она их утратила, и порой испытывала от этого что-то вроде сожаления. Она прислонилась к жест-

кому дереву скамьи; по асфальту раздавались торопливые шаги; проехал грузовик. Были эти зыбкие шумы, небо, колышущаяся листва деревьев, розовое окно на черном фасаде; не было больше Франсуазы; никого и нигде больше не существовало.

Франсуаза вскочила на ноги; странно было снова стать кем-то, и как раз женщиной, женщиной, которая торопится, поскольку есть спешная работа, она ждет ее, и этот момент был всего лишь одним моментом ее жизни, таким, как другие. Она взялась за ручку двери и со сжавшимся сердцем вернулась. Это был отказ, предательство. Ночь снова сейчас проглотит маленькую провинциальную площадь; напрасно будет сиять розовое окно, оно ни для кого уже не будет сиять. Сладость этого часа будет утрачена навсегда. Столько по всей земле утраченной сладости. Она пересекла двор и поднялась по зеленой деревянной лестнице. От такого рода сожалений она давно уже отреклась. Не было ничего реальнее ее собственной жизни. Она вошла в кабинет Пьера и взяла в шкафу бутылку виски, затем бегом опять поднялась в свой кабинет.

— Вот это вернет вам силы, — сказала она. — Как будете пить, сухое или с водой?

— Сухое, — ответил Жербер.

— Вы в состоянии будете вернуться к себе?

— О! Я начинаю выдерживать виски, — с достоинством возразил Жербер.

— Вы начинаете... — молвила Франсуаза.

— Когда я разбогатею и буду жить у себя дома, у меня в шкафу всегда будет бутылка «Vat 69», — сказал Жербер.

— Это станет концом вашей карьеры, — заметила Франсуаза.

Она взглянула на него с какой-то нежностью. Он достал из кармана трубку и старательно набил ее. Это была первая его трубка. Каждый вечер после того, как они опустошали бутылку божоле, он клал трубку на стол и разглядывал ее с детской гордостью; он курил, выпивал коньяк или водку. А потом они шли по улицам со слегка горячей из-за дневной работы, вина и спиртного головой. Жербер шагал ши-

роко, руки в карманах, с падавшей на лицо черной прядью волос. Теперь этому конец; она будет часто его видеть, но только вместе с Пьером и со всеми другими; они снова будут как два чужака.

— Для женщины вы тоже хорошо выдерживаете виски, — бесстрастным тоном произнес Жербер.

Он внимательно посмотрел на Франсуаза:

— Только сегодня вы слишком много работали, вам надо немного поспать. Если хотите, я разбужу вас.

— Нет, я предпочитаю закончить, — сказала Франсуаза.

— Вы не голодны? Не хотите, чтобы я сходил для вас за сэндвичами?

— Спасибо, — ответила Франсуаза.

Она улыбнулась ему. Он был так предупредителен, так внимателен; каждый раз, когда она падала духом, стоило ей взглянуть в его веселые глаза, и она вновь обретала доверие. Ей хотелось найти слова, чтобы поблагодарить его.

— Пожалуй, даже жалко, что мы закончили, — сказала она, — я так привыкла работать с вами.

— Но будет еще интереснее, когда мы перенесемся на сцену, — заметил Жербер. Глаза его блестели, спиртное воспламенило его щеки. — Так приятно думать, что через три дня все снова начнется. Я обожаю начало сезона.

— Да, это будет интересно, — согласилась Франсуаза. Она подвинула к себе бумаги. Эти десять дней с глазу на глаз. К тому, что они подходят к концу, он относился без сожаления; это было естественно, она о них тоже не сожалела, не могла же она все-таки требовать от Жербера, чтобы он в одиночку предавался сожалениям.

— Этот театр такой мертвый. Каждый раз, проходя по нему, я содрогаюсь, — сказал Жербер, — до того это мрачно. Я и правда думал, что на сей раз он закроется на весь год.

— Счастливо отделались, — заметила Франсуаза.

— Только бы это продлилось, — сказал Жербер.

— Продлится, — ответила Франсуаза.

Она никогда не верила в войну; война — это как туберкулез или железнодорожные катастрофы, со мной этого не может случиться. Такие вещи случаются только с другими.

— Вы-то сами можете себе представить, что настоящее большое несчастье упадет на вашу собственную голову?

Жербер скривил рот:

— О! С легкостью.

— А я нет, — сказала Франсуаза. Не стоит даже и думать об этом. Опасности, от которых можно защититься, их следует предвидеть, но война человеку не по силам. Если когда-нибудь она разразится, ничто уже не будет иметь значения, даже жизнь или смерть.

«Но этого не случится», — повторила себе Франсуаза. Она склонилась над рукописью; стучала пишущая машинка, комната пахла светлым табаком, чернилами и ночью. По другую сторону окна под темным небом отрешенно спала площадь; среди пустынной равнины катил поезд. А я, я здесь. Но для меня, которая здесь, существуют и площадь, и поезд, который катит, весь Париж целиком и вся земля в розовом полумраке маленького кабинета. И в этой минуте — все долгие годы счастья. Я здесь, в сердце своей жизни.

— Жалко, что приходится спать, — заметила Франсуаза.

— Особенно жалко, что не можешь чувствовать, что спишь, — отозвался Жербер. — Как только начинаешь отдавать себе отчет в том, что спишь, тут же просыпаешься. Не извлекаешь пользы.

— А вы не находите, что это замечательно — бодрствовать, когда другие люди спят? — Франсуаза положила ручку и прислушалась. Не было слышно ни звука, площадь была темной, театр темный. — Мне хотелось бы думать, что все спят, что в эту минуту из живых на земле только вы и я.

— Меня бы это скорее напугало, — сказал Жербер. Он отбросил назад падавшую ему на глаза длинную черную прядь. — Это как когда думаешь о луне: эти ледяные горы и эти расщелины, и никого вокруг. Первый, кто заберется туда, должен иметь наглость.

— Я не отказалась бы, если бы мне это предложили, — заметила Франсуаза. Она взглянула на Жербера. Как всегда, они сидели бок о бок; ей нравилось чувствовать его рядом с собой, однако обычно они не разговаривали. Этой но-

чью ей хотелось говорить с ним. — Забавно — думать о вещах, таких, какими они бывают в ваше отсутствие, — сказала она.

— Да, это забавно, — согласился Жербер.

— Это все равно что представить себе, будто ты умер, этого не удастся, все время предполагаешь, что смотришь на это из какого-нибудь угла.

— До чего странно, все эти штуки, которых никогда не увидишь, — молвил Жербер.

— Прежде меня приводило в отчаяние думать, что я никогда не узнаю ничего, кроме жалкого клочка мира. Вы так не думаете?

— Отчасти, — согласился Жербер.

Франсуаза улыбнулась. Когда разговариваешь с Жербером, порой встречаешь сопротивление, но вырвать у него определенное мнение было трудно.

— Теперь я спокойна, поскольку уверена, что, куда бы я ни пошла, остальной мир перемещается вместе со мной. Это спасает меня от всякого сожаления.

— Сожалений о чем? — спросил Жербер.

— Существовать лишь в своей шкуре, в то время как земля столь обширна.

Жербер взглянул на Франсуазу.

— Да, особенно если учесть, что у вас жизнь скорее размеренная.

Он всегда был таким сдержанным; этот смутный вопрос представлял для него некую смелость. Значит ли это, что он находил жизнь Франсуазы слишком размеренной? Значит ли это, что он судил ее? Я задаюсь вопросом, что он обо мне думает... Этот кабинет, театр, моя комната, книги, бумаги, работа. Такая размеренная жизнь.

— Просто я поняла, что надо научиться выбирать, — заметила она.

— Мне не нравится, когда надо выбирать, — сказал Жербер.

— Сначала это было нелегко; но теперь я больше не жалею, поскольку, мне кажется, вещей, которые не существуют для меня, вообще не существует.

— Как это? — спросил Жербер.

Франсуаза задумалась; она это остро чувствовала: коридоры, зал, сцена не исчезли, когда она закрыла туда дверь; однако теперь они существовали лишь за дверью, на расстоянии. На расстоянии поезд катил по безмолвным равнинам, продолжавшим в глубине ночи уютную жизнь маленького кабинета.

— Это как лунные пейзажи, — сказала Франсуаза. — Это лишено реальности. Это всего лишь слухи. Вы так не думаете?

— Нет, — ответил Жербер, — не думаю.

— И вас не раздражает, что одновременно вы видите только одну вещь?

Жербер заколебался.

— Что меня беспокоит, так это другие люди, — признался он. — Меня ужасает, когда мне говорят о каком-то типе, которого я не знаю, особенно если о нем говорят с уважением: какой-то тип живет где-то там сам по себе и даже не знает о том, что я существую.

Редко случалось, чтобы он так долго говорил о себе самом. Ощущал ли он тоже волнующую и недолговечную близость этих последних часов? Они одни жили в окружении розового света. Для них двоих один и тот же свет, одна и та же ночь. Франсуаза взглянула на прекрасные глаза под изогнутыми ресницами, на настороженные губы. «Если бы я хотела... Быть может, еще не слишком поздно». Но чего она могла хотеть?

— Да, это оскорбительно, — согласилась она.

— Когда узнаешь человека, становится лучше, — заметил Жербер.

— Невозможно представить себе, что другие люди — сознания, которые ощущают себя внутри так же, как ты сам, — сказала Франсуаза. — Когда угадываешь это, ужасаешься: создается впечатление, что ты всего лишь образ в голове кого-то другого. Но обычно этого почти никогда не происходит, во всяком случае — полностью.

— Это верно, — с воодушевлением согласился Жербер, — и, возможно, поэтому мне так неприятно, когда со

мной говорят обо мне, даже если говорят хорошо; мне кажется, что надо мной берут верх.

— А мне все равно, что думают обо мне люди, — сказала Франсуаза.

Жербер рассмеялся.

— Пожалуй, не скажешь, что вы чересчур самолюбивы, — заметил он.

— Их мысли для меня не больше, чем слова и их лица. Это объекты в моем собственном мире. Элизабет удивляется тому, что я не амбициозна; но ведь это как раз поэтому. Мне нет нужды стараться выкраивать себе привилегированное место в мире. У меня такое впечатление, что я уже в нем обосновалась. — Она улыбнулась Жерберу. — Но вы-то тоже не амбициозны.

— Нет, — подтвердил Жербер, — а зачем? — Он заколебался. — И все-таки мне очень хотелось бы стать когда-нибудь хорошим актером.

— Как и мне, мне очень хотелось бы написать хорошую книгу. Хочется хорошо делать работу, которой занимаешься. Но только это не для славы и почестей.

— Нет, — согласился Жербер.

Под окнами проехала повозка молочника. Вскоре начнет светать. Поезд миновал Шатору, он приближался к Вьерзону. Жербер зевнул, его глаза стали розовыми, как у сонного ребенка.

— Вам надо идти спать, — сказала Франсуаза.

Жербер протер глаза.

— Надо показать это Лабрусу в законченном виде, — упрямо сказал он. Взяв бутылку, он налил себе стакан виски.

— К тому же мне не хочется спать, у меня жажда! — Выпив, он поставил стакан, на минуту задумался. — Возможно, все-таки я хочу спать.

— Жажда или сон, решайтесь, — весело сказала Франсуаза.

— Я никогда не могу хорошенько себя понять, — признался Жербер.

— Послушайте, — сказала Франсуаза, — вот что вы сделаете. Ложитесь на диван и спите. Я закончу править по-

следнюю сцену. Вы напечатаете ее, пока я поеду на вокзал за Пьером.

— А вы? — спросил Жербер.

— Когда я закончу, то тоже посплю; диван широкий, вы мне не мешаете. Берите подушку и располагайтесь под одеялом.

— Хорошо, — согласился Жербер.

Потянувшись, Франсуаза снова взялась за перо. Через какое-то время она обернулась. Жербер лежал на спине с закрытыми глазами; ровное дыхание срывалось с его губ. Он уже спал. Он был прекрасен. Она долго смотрела на него, затем снова принялась за работу. Там, в поезде, Пьер тоже спал, прислонясь головой к кожаным подушкам, с невинным выражением лица. Он спрыгнет с поезда, распрямится во весь свой маленький рост; потом побежит по перрону, возьмет меня за руку.

— Ну вот! — Франсуаза с удовлетворением посмотрела на рукопись. — Только бы ему это понравилось! Я думаю, что понравится. — Она отодвинула кресло. Розовая дымка поднималась в небо. Сняв туфли, она скользнула под одеяло рядом с Жербером. Он застонал, его голова скатилась по подушке и уткнулась в плечо Франсуазы.

«Бедный малыш Жербер, как ему хотелось спать», — подумала она, поправила немного одеяло и застыла с открытыми глазами. Ее тоже одолевал сон, но спать она пока не хотела. Она смотрела на свежие веки Жербера и его длинные девичьи ресницы; он спал, отрешенный, безучастный. На шее она почувствовала ласку его мягких черных волос.

«Это все, что я когда-либо получу от него», — подумалось ей.

Были женщины, которые гладили эти прекрасные волосы, прижимали губы к его детским векам, сжимали в своих объятиях это длинное худощавое тело. Однажды одной из них он скажет:

— Я люблю тебя.

У Франсуазы сжалось сердце. Еще было время. Она могла прислониться щекой к этой щеке и сказать вслух слова, готовые сорваться с ее губ.